

Безусловно, работа В.М. Зубаря отчетливо преодолевает «частичное отражение» результатов исследований особенностей земледелия и землепользования, которые были присущи гражданской общине Херсонеса. Остается надеяться, что в ближайшее время появятся работы, посвященные самим последним раскопкам на Гераклейском полуострове. Монография В.М. Зубаря, имеющая обширную библиографию (с. 269–307) и английское ре-

зюме, стимулирует современных исследователей хоры Херсонеса к освещению результатов своих работ, которые имеют возможность после его публикации привлечь внимание на критику методик раскопок и логическую непоследовательность доказательств собственных концепций. Таким образом, еще одна из задач, как представляется, — призыв к дискуссии — В.М. Зубарем выполнена.

А.И. Романчук

Hutton, Ronald. Debates in Stuart History. Basingstoke and New York: Palgrave, 2004. vii + 239 p.

Хаттон, Рональд. Дебаты о стюартовской истории. Бейсингсток и Нью-Йорк: Палгрейв, 2004. vii + 239 с.

Рональд Хаттон — профессор университета города Бристоль и один из самых известных английских историков. Его исследовательские интересы весьма разнообразны, что в наше время не так уж часто встречается в ученой среде. Он — автор почти двух десятков книг, среди которых работы по стюартовской Англии, истории язычества, ведовства, магии, друидов и даже сибирского шаманизма. Его отличает несомненный литературный дар. Под пером Р. Хаттона самые скучные сюжеты обретают необычайную увлекательность и живость. Вот и в книге по историографии революционной Англии он сумел отыскать такие слова и так развернуть тему, что даже один из самых унылых академических жанров — историография, где почти все сбиваются на пересказ, — не отпущал, как какой-нибудь триллер, пока не была перевернута последняя страница заключения.

Книга Р. Хаттона открывается кратким предисловием, в котором автор отметил, что в середине XX в. сложились весьма благоприятные условия для развития исторической науки. Ей помогли новые технологии по сохранению и тиражированию информации, существенные инвес-

тиции в сферу образования и приток большого числа квалифицированных специалистов. Затем следуют шесть коротких, но информационно чрезвычайно насыщенных глав.

Первая глава повествует о ревизионистском повороте в историографии Англии XVII в., который, по общему признанию, стал ответом на вигско-либеральные и марксистские построения. Виги и марксисты, пишет Р. Хаттон, настаивали на наличии долговременных экономических, социальных и политических факторов, которые закономерно породили Английскую революцию. Более того, почти все историки, преподающие в британских университетах после Второй мировой войны, придерживались левых и либеральных взглядов. Среди исследователей предреволюционной Англии, подчеркивает он, только кембриджский профессор Джеффри Элтон демонстрировал приверженность к консерватизму. Видимо, не случайно в 1965 г. Дж. Элтон образно именовал либеральные и марксистские концепции «прямой дорогой к гражданской войне». Скептицизм кембриджского историка был спустя десять лет поддержан его молодыми коллегами — Конрадом Расселом, Кевином Шарпом, Марком Кишленски и др., которые сосредоточились на политической истории. Они отрицали всякий детерминизм, закономерности и настаивали на краткосрочных, часто случайных причинах, вызвавших бунт парламента и гражданскую войну.

Ревизионизм как явление, справедливо отмечает Р. Хаттон, не ограничивался пересмотром только представлений о причинах гражданской войны. В этот же ряд он ставит работы, рисующие более сложную картину победы Реформации в Англии, и публикации Д. Старки о дворе, существенно корректирующие концепцию Дж. Элтона о «тюдоровской революции в управлении».

Вторая глава посвящена историографии гражданской войны, где Р. Хаттон описывает концепции «локальной автономии», или локализма и нейтрализма провинциальных графств в ходе революции (Джон Морилл, Энтони Флетчер, Клайв Холмс, Дэвид Андердан), а также корректирующие их постревизионистские работы (Энн Хьюз, Питер Ньюмен, Марк Стол).

Глава третья затрагивает современную историографию предреволюционной Британии. По мнению автора, все истории более или менее сходятся на том, что доставшийся Стюартам фискальный механизм в условиях инфляции был не способен обеспечить государство необходимыми финансовыми ресурсами. Здесь же описаны дебаты между теми, кто считает, что в предреволюционной Англии был общественный консенсус по базовым вопросам (Гленн Берджис, Кевин Шарп), и постревизионистскими исследователями, усматривающими существенные идейные и политические разногласия (Джонн Соммервилл, Ричард Каст, Том Когсуэл). Наибольшее внимание в этой главе привлечено к прозвучавшему в начале 1990-х гг. призыву Конрада Рассела рассматривать революцию не как английское, а как британское явление. Действительно, Стюартам довелось править тремя королевствами — Англией, Шотландией и Ирландией, каждое из которых имело различные диалекты и даже языки и конфессии. В ходе революции все три части Британии оказывали влияние на ее исход, а шотландская армия однозначно преопределила превосходство круглоголовых над кавалерами. Но Р. Хаттон не согласен с тем, что Карл I персонально повинен в гражданской вой-

не, причиной которой явилась личная некомпетентность или даже глупость короля. Ему кажется, что монарх имел убеждения, которые готов был отстаивать даже ценой жизни.

Глава четвертая рисует портрет Оливера Кромвеля. Р. Хаттон пишет, что викторианский взгляд на Кромвеля, как на человека, утвердившего в Англии религиозную толерантность и заложившего основы демократии, ушел в прошлое. Но и портрет расчетливого и холодного политического циника, каким иногда изображают генерала, ему кажется также мало соответствующим действительности. На его взгляд, Кромвель искренне разделял многие конфессиональные устремления сектантов, одновременно осознавая, что «святые» являются в стране всего лишь активным меньшинством. Он надеялся, как кажется автору, выиграть время, дабы превратить меньшинство в большинство. Обвинения Кромвеля в диктаторстве или в стремлении основать новую правящую династию кажутся Р. Хаттону также необоснованными.

Пятая глава, посвященная Карлу II, пожалуй, наиболее интересная в книге. Это обусловлено тем, что Р. Хаттон в свое время написал одну из самых удачных биографий монарха. В этой главе приведены многочисленные персональные сведения, дающие представления о повседневных исследовательских практиках современного британского историка. Автор открывает перед читателем свою лабораторию или, если позволительно сказать, кухню. Как искусный повар, он любит свои инструменты, помнит истории их приобретения, о чем в красках живописует. Вот он пишет, как, работая в публичном архиве, наткнулся в одном случае среди рукописей на погибшую, может быть, еще в XVII в. мышь. В другой раз, получив от наследников Томаса Клиффорда, лорда-казначей Карла II, разрешение поработать с личными бумагами семьи, ему довелось первому выдвинуть нижний ящик письменного стола этого государственного деятеля. Были трепет и сердцебиение и... обескураживающий результат — ящик оказался забит

«рутинными» бумагами казначейства, абсолютно ничего не добавляющими к уже имеющимся историческим данным. И здесь же Р. Хаттон спорит с теми, кто изображает монарха как ленивого гедониста на троне, подверженного влияниям и плывущего по течению. На его взгляд, Карл II был человеком, создавшим самого себя, достаточно прагматичным, дальновидным и способным, когда требовалось, стоять на своем.

Последняя глава книги посвящена историографии Славной революции, которая, подчеркивается, особенно ценится политиками, но в глазах профессиональных историков проигрывает гражданской войне. Он не согласен с теми, кто описывает свергнутого Якова II как монарха, нарушающего законы и стремящегося к абсолютизму. По его мнению, проект этого Стюарта не шел дальше того, чтобы допустить католиков к соучастию в управлении государством.

В заключении Р. Хаттон констатирует, что для историка стюартовской Британии сейчас наступили не самые лучшие времена. Сокращение государственного финансирования привело профессию университетского профессора на самую нижнюю грань слоя, который принято называть средним классом. В отличие от политологов или социологов историки все реже и реже соприкасаются с национальной элитой или тем более входят в ее состав. Они все больше превращаются в профессиональное сообщество, внутри которого взаимодействуют друг с другом. Раньше статус историка поддерживался отчасти верой в уникальность национальных институтов и почтением к британской демократии, долгое время служившей источником и примером для других стран. Но в условиях глобализации, где доминируют США («мультинациональная суперсила»), и перемен, происходящих в единой Европе, национальный опыт уже не представляется важным и интересным. Отсюда явное и очевидное ослабление внимания к революционной и стюартовской истории Британии.

Чем же все-таки увлекает книга? Дело, как кажется, не в каком-то особом взгля-

де автора. А в его повествованиях о личном соучастии во многих описываемых спорах и историографических поворотах Р. Хаттон не боится остановиться на характеристике времени, среды, политических ожиданий, геополитических вызовов, культурных стереотипов, предрассудков и поведенческих практик академической среды. Он стремится кратко и выразительно обрисовать степень воздействия этих и других факторов на зарождение и угасание модных — простите, должно было написаться, конечно, «новаторских и актуальных» — исследовательских тем. Он сам был подвержен их воздействиям и не скрывает этого. То там, то тут (и удивительно к месту!) вставлены заметки из собственной биографии. Например, он с иронией замечает, как в 70-х гг. XX в. появилась привычка писать на обложке книг фамильярно имя и фамилию (Рональд Хаттон) автора — вместо принятых раньше чопорных инициалов перед фамилией.

Особенно трогательно и увлекательно в 5 главе описаны метаморфозы, происходящие с архивами, в которые бывает трудно и, главное, дорого попасть в надлежащее время, происходящие в них, увы, не на пользу исследователям, перемены. Там можно встретить набросок об ученой даме, которая из-за нехватки времени и дороговизны, подобно самому автору, что-то потихоньку жует за заваленным манускриптами столом. В разных местах книги сделаны заметки о пользе научных контактов. Все знают, что обед с коллегами имеет не просто утилитарное значение. Совместная трапеза одновременно является консультированием друг друга, но многие ли повествуют об этом? Рональд Хаттон описал пару таких застолий, после которых он вносил коррективы в направления исследовательского поиска. И без этих подробностей историография Р. Хаттона наполнена той самой человечинной, которая превращает библиографию во вдохновенное и субъективное (что обязательно) творчество. Но они придают книге ту невыразимую прелесть, которая по-другому называется талантом.

С. Кондратьев